
ИСТОРИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ
УЧРЕЖДЕНИЙ

**КРУПНЕЙШАЯ ИЗ ЭКСПЕДИЦИЙ
В ПРАКТИКЕ МИРОВОЙ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
К 50-ЛЕТИЮ СОВМЕСТНОЙ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЙ
ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

© 2020 г. А. Ю. Розанов^{а,*}, С. В. Рожнов^{а,**}, Т. И. Юсупова^{б,***}

^а Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва, Россия

^б Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: aroza@paleo.ru

**E-mail: rozhnov@paleo.ru

***E-mail: ti-yusupova@mail.ru

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

После доработки 05.05.2020 г.

Принята к публикации 12.05.2020 г.

В статье описывается история Совместной российско-монгольской палеонтологической экспедиции (СРМПЭ), её деятельность и основные результаты. Организации экспедиции в 1969 г. (тогда советско-монгольской) предшествовала большая и продолжительная работа по продвижению этой идеи в академических и государственных инстанциях. Совместная экспедиция закладывалась как комплексная и по характеру задач, и по тактике их выполнения. В результате СРМПЭ стала крупнейшей экспедицией в истории палеонтологии. Осуществлявшиеся в её рамках раскопки дали важнейшие научные материалы и значительно пополнили палеонтологические коллекции музеев Москвы и Улан-Батора. СРМПЭ стала базой для развития палеонтологии в Монголии, подготовки научных кадров высшей квалификации для России и Монголии.

Ключевые слова: палеонтология, совместные экспедиции, Академия наук СССР, РАН, Монголия, Палеонтологический институт, история, результаты.

DOI: 10.31857/S0869587320080101

С конца 1920-х годов российские палеонтологи предпринимали неоднократные попытки начать изучение Монголии, но осуществить смогли только одну – Монгольскую экспедицию под руководством И.А. Ефремова, которая проводила

исследования в 1946–1949 гг. Продолжить изучение Монголии удалось только через 20 лет, в 1969 г., когда начала свою работу Совместная советско-монгольская палеонтологическая экспедиция (ССМПЭ, с 1991 г. – российско-монгольская,



РОЗАНОВ Алексей Юрьевич – академик РАН, заведующий лабораторией ПИН им. А.А. Борисяка РАН. РОЖНОВ Сергей Владимирович – академик РАН, заведующий лабораторией ПИН им. А.А. Борисяка РАН. ЮСУПОВА Татьяна Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН.

СРМПЭ). Среди международных экспедиций Российской академии наук она выделяется своей беспрецедентной продолжительностью, результативностью и актуальностью научных работ. Организации экспедиции предшествовала большая и продолжительная работа по формированию монгольского направления исследований и соответствующих научных кадров, продвижению этого проекта в академических и государственных структурах.

Деятельность ССМПЭ/СРМПЭ отражена в целом ряде публикаций её руководителей и участников, в которых рассмотрены причины интереса палеонтологов к Монголии, даётся описание произведённых работ и основных достижений за разные временные периоды [1–5]. В данной статье мы хотели бы привлечь внимание к истории учреждения экспедиции и некоторым организационным особенностям первого десятилетия работы, определившим её дальнейшую успешность.

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕДИЦИИ

Территория Монголии представляет исключительный интерес и возможности для проведения палеонтологических исследований в силу особенностей её геологической истории. Последовательная смена продолжительного периода почти непрерывного существования морей в палеозойской эре и сменившего его, не менее продолжительного, континентального периода в мезо-кайнозойское позволяет всесторонне изучить пути и закономерности развития морских фаун палеозоя и наземной жизни в мезо-кайнозойское на протяжении последних 500 млн лет на обширнейшем пространстве, каким является территория Монголии [1, с. 9]. Возможностям таких исследований благоприятствует хорошая обнажённость горных пород, содержащих ископаемые остатки, и исключительная сохранность скелетов и костей мезокайнозойских позвоночных.

Впервые мысль о Центральной Азии как прародине предков высших видов современных животных высказал в 1900-е годы американский биолог и палеонтолог, президент Музея естественной истории в Нью-Йорке Г.И. Осборн (H.F. Osborn, 1857–1935). На основании факта одновременного появления в Европе и Америке одних и тех же пород млекопитающих и пресмыкающихся он предположил, что исходный центр их расселения лежит, вероятнее всего, на территории современных пустынь Центральной Азии [6]. Уникальные находки мезо-кайнозойских млекопитающих, сделанные в Монголии в 1922–1925 гг. Американской центральноазиатской экспедицией под руководством Р.Ч. Эндрюса (R.Ch. Andrews, 1884–1960), подтвердили его гипотезу [7].

Работа экспедиции Р. Эндрюса вызвала большой интерес у будущего организатора и первого директора Палеонтологического института (ПИН) АН СССР академика А.А. Борисяка (1972–1944). Он сам в 1915 г. на основании изучения палеонтологических коллекций из Казахстана и находки зуба бронтоотерия, сделанной В.А. Обручевым в 1892 г. во впадине Кульджин-Гоби во Внутренней Монголии, высказал предположение, что третичные толщи Казахстана сходны с осадочными толщами Монголии. Следовательно, здесь также возможны открытия ископаемых фаун, близких к казахстанским. Анализируя причины успешности американских исследователей, А.А. Борисяк выделил в первую очередь их подход к собиранию ископаемых, “когда палеонтолог не довольствуется случайными находками геолога”, а сам ведёт планомерные поиски [8, с. 46]. Такой подход в организации полевых исследований, не связанный с работами геологов, он посчитал “своего рода новой эрой” в истории науки об ископаемых и направлял российских палеонтологов по этому пути.

В 1929 г. Монгольская комиссия АН СССР, которая координировала деятельность советских учёных в Монголии, приступила к формированию пятилетнего плана работ. А.А. Борисяк, продвигая идею организации широкого изучения соседней страны, предложил включить в план две палеонтологические экспедиции. Первую из них предполагалось осуществить в 1930 г. в Центральную Монголию, “на главнейшие из открытых американцами местонахождений динозавров и млекопитающих”; вторую – в 1932 г. в Западную Монголию, к югу от города Кобдо, где в ходе геологических изысканий И.П. Рачковского (1878–1961) были обнаружены остатки верхнетретичной фауны. В своей заявке А.А. Борисяк отметил, что местонахождения позвоночных Центральной Азии, кроме большого общенаучного интереса, имеют также и важное значение для российской науки, “так как они поясняют и дополняют наши местонахождения” [9].

В ходе обсуждения заявок в план Монгольской комиссии и одновременно в Договор Академии наук СССР с Комитетом наук МНР о совместных исследованиях в 1930–1934 гг. была включена только одна экспедиция, сроком на два года. Однако ввиду неясной для правительственных инстанций практической значимости палеонтологических исследований экспедиция не была утверждена. В 1931 г. А.А. Борисяк вновь подал заявку, но и в этот раз не получил поддержки.

Обсуждение центральноазиатских экспедиций продолжилось в созданном в 1930 г. Палеозоологическом (с 1936 г. Палеонтологический) институте АН СССР. На 1933–1934 гг. намечались Монгольская и Джунгарская (в район Урумчи) экспедиции. Последний проект был связан с



И.А. Ефремов. Южная Монголия, 1948 г. Фото из Архива ПИН РАН

предложением Р. Эндрюса организовать совместную советско-американскую экспедицию в этот район. По этому поводу в начале лета 1933 г. Р. Эндрюс приезжал в Москву и встречался с А.А. Борисяком. Инициатива американского учёного была поддержана президиумом Академии наук и Наркоматом иностранных дел. Однако ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР) — самая влиятельная инстанция в системе советских государственных учреждений — сочла экспедицию нецелесообразной, ввиду сложной политической обстановки в местах предполагаемых работ (события в Синьцзяне (дунганское движение) и участвовавшие на этой почве случаи нарушений нашей границы) [10].

В 1935 г. в Монгольскую комиссию Академии наук вновь поступила заявка на проведение палеонтологических исследований. На этот раз её подали заведующие отделами высших и низших позвоночных Палеозоологического института Ю.А. Орлов (1893–1966) и И.А. Ефремов (1907–1972). Они предполагали обследовать местонахождения в Цаган-Нурской котловине в Центральной Монголии и сделать несколько рекогносцировочных разездов, в том числе проверить информацию сотрудника экономической экспедиции Монгольской комиссии Б.М. Чудинова, который в 1931 г. обнаружил многочисленные залежи костей ископаемых животных в Ширэгин-Гашунской впадине в южной части Гоби. Однако исследовательская деятельность советских учёных в Монголии в 1930-х годах по разным причинам не получила развития, а в июне 1935 г.

решением Политбюро ЦК ВКП(б) была вообще прекращена [11, с. 126–162].

Следующие шаги по организации палеонтологического изучения Монголии были предприняты в октябре 1940 г. На этот раз инициатором выступил Комитет наук МНР. В письме к А.А. Борисяку монгольская сторона сама предложила организовать экспедицию. ПИН ответил согласием и в марте 1941 г. в президиум АН была представлена “Докладная записка об организации раскопочных палеонтологических работ на территории МНР”, составленная Ю.А. Орловым и И.А. Ефремовым — предполагаемыми руководителями экспедиции. В “Записке” они указали на в основном рекогносцировочный характер американских исследований и отметили, что “более ценные результаты могут быть получены только при систематических и крупных раскопочных работах”. Протяжённый маршрут первого года должен был охватить Среднюю, Восточную (Залтайскую) и частично Южную Гоби, местами повторяя маршрут Р. Эндрюса. Президиум Академии наук поддержал ПИН, однако бюрократический процесс согласования документов по учреждению экспедиции в правительственных инстанциях затянулся и был прерван начавшейся Великой Отечественной войной.

Вернулись к идее экспедиции в феврале 1945 г. В новом обосновании Ю.А. Орлов и И.А. Ефремов, наряду с высокой общенаучной важностью планируемых исследований, отметили их значение для развития палеонтологии в самой Монголии. В этот раз все обстоятельства сложились благоприятно, и Монгольская палеонтологическая

экспедиция была одобрена на всех уровнях — и академическом, и правительственном. 16 февраля 1946 г. последовало распоряжение Совнаркома СССР о её организации. Предварительный маршрут остался тот же, что и в программе 1941 г., согласно которому основные работы предполагалось провести в Средней и Восточной Гоби. Но после знакомства с материалами Комитета наук И.А. Ефремов взял на себя смелость и рискнул провести разведочные работы в районах Южной Гоби [12]. Дальнейшие события и результаты исследований хорошо известны и изложены в публикациях И.А. Ефремова. Экспедиции сопутствовал крупный успех: в 1946–1949 гг. в ходе проведённых рекогносцировок и раскопок были обнаружены и изучены богатые местонахождения в Баин-Дзаке, Баин-Ширэ, Нэмэгэту, Ширэгин-Гашуне, Эргиль-Обо и других местах. Только в 1946 г. в Москву было доставлено около 70 тонн научного материала, очень важного для понимания всей эволюции животного мира [13, 14]. Открытия советских учёных стали настоящей научной сенсацией, указавшей на большие перспективы в палеонтологическом изучении Монголии.

Выдающиеся результаты экспедиции И.А. Ефремова, готовность ПИНа продолжить исследования, а Комитета наук МНР — сотрудничество с Академией наук СССР, казалось бы, предопределяли поддержку правительством Монгольской экспедиции. Однако Политбюро ЦК ВКП(б) на заседании 6 июня 1950 г. отклонило просьбу президиума АН о её продолжении в текущем году [15, с. 450]. Работы советских учёных в Монголии были приостановлены. Выявленные на сегодня архивные материалы пока не позволяют однозначно объяснить такое решение.

На протяжении более 15 лет предпринималась череда безуспешных попыток возобновить работы в Монголии. Так, в июле 1955 г. ПИН предложил Комитету наук МНР продолжить исследования. Монгольская сторона поддержала эту идею и высказала пожелание сделать экспедицию совместной, а в качестве одной из её задач поставить подготовку профессиональных монгольских палеонтологов. В январе 1956 г. организация совместной экспедиции обсуждалась в ходе визита председателя Комитета наук Н. Жагварала в беседах с президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым и руководством ПИНа [16]. Был проработан её маршрут, кадровый состав, подготовлены необходимые проекты постановлений и распоряжений правительства. Но на этапе согласований организация экспедиции была остановлена. На этот раз причиной стало изменение приоритетов внешней политики СССР на Востоке с Монголии на Китай, что сказалось и на поддержке международных проектов Академии наук. Вместо Монгольской была организована советско-китайская палеонтологическая экспедиция, куда и были на-

правлены основные силы ПИНа. Экспедиция проработала два года, в 1959–1960 гг., в основном на территории Внутренней Монголии (Северный Китай). Её дальнейшая деятельность была прекращена из-за резкого ухудшения межгосударственных отношений СССР и Китая.

В октябре 1960 г. директор ПИНа Ю.А. Орлов вновь обратился в президиум Академии наук СССР с просьбой разрешить экспедицию в Монголию, чтобы не прекращать центральноазиатские исследования. Поводом для такой инициативы стала подготовка договора о сотрудничестве между АН СССР и Комитетом наук МНР на 1961–1965 гг. Своё предложение Ю.А. Орлов мотивировал “важным научным значением [таких исследований] для выяснения развития животного мира Земли” и не менее убедительным аргументом — необходимостью оказания Комитету наук помощи в развитии палеонтологии, целесообразной формой которой он полагал совместную экспедицию [17]. В письме в Комитет наук МНР главный учёный секретарь президиума АН СССР академик Е.К. Фёдоров тоже подчеркнул целесообразность возобновления “палеонтологических исследований в МНР путём организации совместных экспедиций”, поскольку их постановка “является весьма актуальной задачей как с точки зрения теории, так и практики” [18]. Однако на фоне общего спада советско-монгольских научных контактов в тот период столь масштабный проект не был поддержан.

Следующий год был особенным в истории монгольской науки: 16 мая 1961 г. Указом Великого Народного Хурала была создана Академия наук МНР. Новая институциональная форма организации монгольской науки стимулировала укрепление её научных кадров и расширение международных контактов. Одним из первых крупных мероприятий, в котором приняла участие молодая Академия наук, стало совещание представителей академий наук социалистических стран в Варшаве, в марте 1962 г. Представительный форум признал необходимым широкую межакадемическую координацию научно-исследовательских работ. В этой связи Польская академия наук выступила с инициативой провести на территории Монголии палеозоологические исследования. Монгольские учёные поддержали польских коллег, но выразили желание, чтобы экспедиция была комплексной, палеонтолого-геологической. К участию в работах был приглашён ПИН. Проект, представленный Академией наук МНР, в большой степени был ориентирован на геологоразведочные работы, и ПИН вынужден был отказаться от участия в его реализации, одновременно предложив консультативную поддержку монгольским палеонтологам [19]. В 1964 г. была учреждена Совместная польско-монгольская

палеонтологическая экспедиция, которая работала до 1966 г., а затем возобновилась в 1969 г.

Что касается советских учёных, то в августе 1964 г. в Монголию по приглашению Академии наук страны были командированы сотрудники ПИНа П.К. Чудинов и Б.А. Трофимов для консультаций по организации палеонтологических работ и участия в раскопках нового позднемелового местонахождения Бугийн-Цав, недалеко от Нэмэгэту, обнаруженного араатами (крестьянами-кочевниками). Оно оказалось одним из богатейших динозавровых местонахождений Монголии.

Завершающим событием истории организации ССМПЭ стало подписание 3 апреля 1967 г. Соглашения о научном сотрудничестве между Академиями наук СССР и МНР, в котором была закреплена паритетность взаимодействия учёных двух стран, его направленность на совместные проекты. Следует отметить, что советско-монгольское научное сотрудничество установилось в середине 1920-х годов и вначале носило характер оказания советскими учёными помощи в изучении Монголии при организационной и незначительной материальной и финансовой поддержке Комитета наук. Преодоление такой асимметрии, переход к равноправному участию сторон в совместных работах стало свидетельством значительного институционального и кадрового развития монгольской науки.

В ходе подготовки соглашения Отделение общей биологии АН СССР высказало ряд пожеланий относительно направлений совместных исследований, в числе которых указывалось на необходимость продолжения палеонтологических работ, план которых разработал ПИН. Обосновывая их возобновление, директор института Н.Н. Крамаренко (1921–1997) подчёркивал, что “помимо своей общенаучной и конкретной практической значимости” (для геологоразведки), они являются “необходимым звеном в общей программе по изучению природы и природных ресурсов МНР” [20].

На этот раз обстоятельства сложились так, что идею экспедиции поддержала не только Академия наук, но и директивные инстанции. 5 августа 1968 г. президиум АН СССР, получив согласие Монгольской Академии наук, принял постановление об организации при ПИНе советской части совместной экспедиции сроком на пять лет. Начальником экспедиции с советской стороны был назначен член-корреспондент Академии наук А.Г. Вологдин (1896–1971). Монгольская Академия наук утвердила начальником экспедиции одного из первых монгольских палеонтологов, будущего академика Академии наук МНР Р. Барболда. Научными консультантами стали бывшие участники экспедиции И.А. Ефремова: с советской стороны — заведующий музеем ПИНа

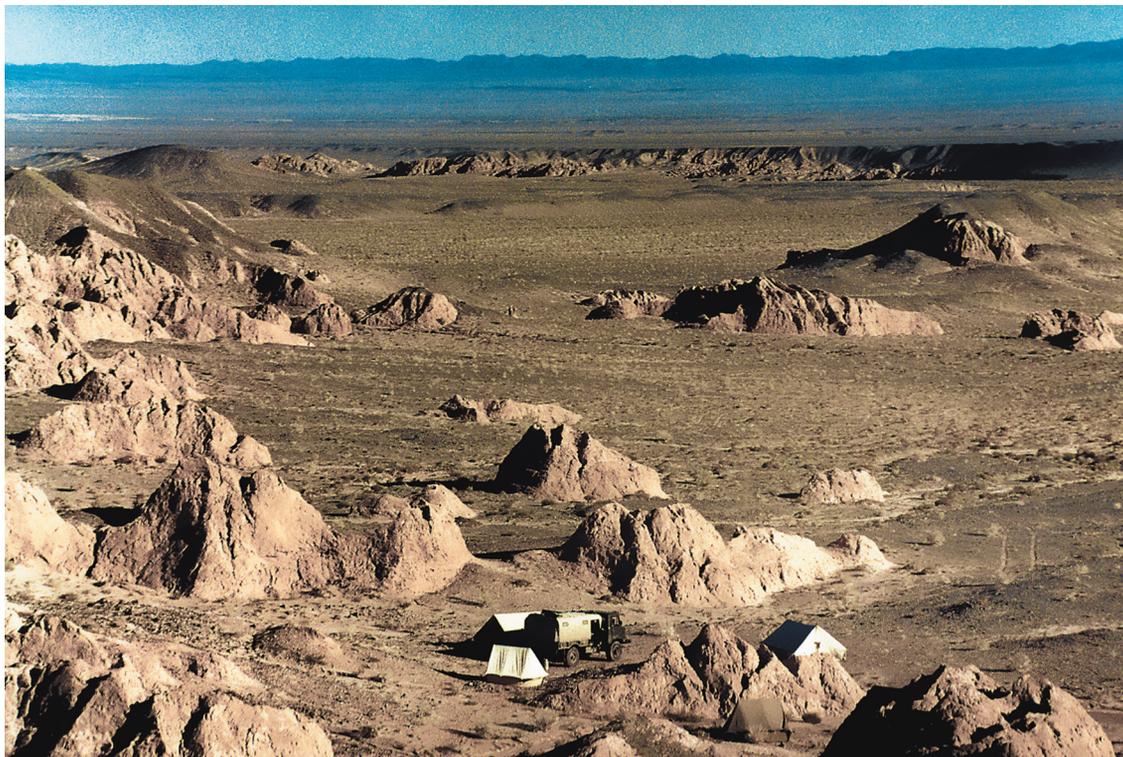
К.К. Флёров (1904–1980), с монгольской — директор Института геологии Б. Лувсанданзан.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСПЕДИЦИИ

Обсуждение конкретных вопросов подготовки экспедиции проходило в Улан-Баторе (в августе 1968 г.) и в Москве (в феврале–марте 1969 г.) в рамках переговоров о научном взаимодействии АН СССР и АН МНР в 1969–1970 гг. В последний день московской встречи, 3 марта 1969 г., представители советской и монгольской академий наук подписали План научного сотрудничества, в который наряду с ССМПЭ были включены ещё три совместные экспедиции: Историко-культурная (работала в 1969–1990 гг.), Комплексная биологическая (с 1970 г. и продолжается до сих пор) и Геологическая (1967–1990 гг.). Таким образом, в течение 20 лет на территории Монголии одновременно работали четыре совместные советско-монгольские экспедиции.

Одним из необходимых условий начала работы российских учёных в Монголии являлось наличие экспедиционной базы в Улан-Баторе. В ходе переговоров стороны приняли решение поставить этот вопрос перед Советско-монгольской межправительственной комиссией по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, а для первого полевого сезона своими силами построить временные сооружения на представленной монгольской стороной территории (сборные домики для жилья, укрытия для автотранспорта и т.д.). Надо сказать, что вопрос строительства базы (объединённой для всех экспедиций) оставался актуальным продолжительное время. Тяжёлое колесо бюрократических согласований для получения целевого финансирования поворачивалось медленно, и сооружения базы закончились только к концу 1970-х годов, причём силами самих академий наук. В то время база располагалась на окраине Улан-Батора, а теперь оказалась в центральной части сильно разросшегося города. Она до сих пор используется российскими учёными, хотя поддерживать её техническое состояние становится всё сложнее.

Параллельно с решением организационных вопросов были разработаны Положение о ССМПЭ, регламентирующее её деятельность, и Программа исследований. До 1982 г. Программа утверждалась с советской стороны Отделением общей биологии АН СССР, в состав учреждений которого входил ПИН, с монгольской — Отделением естественных наук, при котором состояла монгольская часть экспедиции. С 1982 по 1990 г. она разрабатывалась Советом ССМПЭ, куда входили советские и монгольские руководители экспедиции и институтов, при которых она работала (ПИН АН СССР и Институт геологии АН МНР), и утверждалась директорами соответствующих



Один из лагерей экспедиции. Южная Монголия, 1970-е годы. Фото из архива ССМПЭ

институтов. С 1991 г. Программу готовили и утверждали только руководители экспедиций и директора институтов.

Программа ССМПЭ на 1969 г. включала три направления деятельности, которые определялись с учётом пожеланий советских и монгольских организаторов: 1) полевые работы со сбором (поиски и раскопки) палеонтологических остатков; 2) препарирование и научная обработка собранных материалов с внедрением научных результатов в практику геолого-поисковых и разведочных работ; 3) подготовка монгольских квалифицированных палеонтологических кадров. Эти направления отражали общую концепцию исследований экспедиции: с самого начала ССМПЭ задумывалась как комплексная, и по характеру своих задач — изучение всего ископаемого органического мира, начиная от протерозоя до четвертичного периода на всей территории Монголии, и по тактике их выполнения — в координации с геологическими исследованиями. Решая исследовательские задачи, ССМПЭ должна была в то же время стать важным звеном укрепления и развития советско-монгольского научного сотрудничества.

Полевые работы в 1969 г. предусматривали исследования по двум основным темам: история континентальной мезо-кайнозойской фауны и развитие фауны и палеогеография морей позднего

докембрия и палеозоя Центральной Азии. Для их выполнения было организовано пять отрядов. С советской стороны в работе экспедиции приняли участие 39 человек (включая группы АХЧ и строителей экспедиционной базы), с монгольской — 13 человек [21]. Научную часть составляли сотрудники ПИНа А.Г. Вологдин, П.К. Чудинов (научный консультант экспедиции), Е.Н. Курочкин, Н.Н. Каланадзе, П.А. Дроздова, В.Б. Суханов, В.И. Жегалло, Р.Е. Алексеева, И.Н. Мананков и другие, а также стажёр-исследователь В.Ю. Решетов (в 1989–1993 гг. начальник экспедиции с советской стороны), студенты МГУ С.М. Курзанов и С.В. Рожнов (начальник экспедиции с 2010 по 2020 г.) и сотрудники Геологического института АН МНР Р. Барсболд, А. Перлэ, Ё. Ханд, П. Нармандах, а также монгольские студенты, обучавшиеся в Монгольском государственном университете и МГУ.

Вследствие разных организационных задержек деятельность ССМПЭ началась не в середине июля, как планировалось, а во второй половине августа. Главный лагерь разбили на Баин-Дзаке, в южной части пустыни Гоби, где ранее располагались экспедиции Р. Эндрюса и И.А. Ефремова. Отсюда разведочные группы разъезжали по всей Монголии. В первый полевой сезон были проведены огромные по объёму работы по поиску, раскопке и упаковке в гипсовые монолиты костей



Погрузка монолитов с костями позвоночных животных, 1970-е годы. Фото из архива ССМПЭ

древних животных на местонахождениях Тугрик, Алаг-Тэгэ и в самом Баин-Дзаке. Исследования закончились в середине октября, когда по ночам в Гоби уже стояли сильные морозы.

В отличие от экспедиций Р. Эндрюса и И.А. Ефремова, где основное внимание уделялось позвоночным, в ССМПЭ, исходя из поставленных задач, работали также отряды по изучению беспозвоночных животных. Значение ископаемых беспозвоночных для реконструкции эволюции органического мира и биосферы в целом, изучения проблем палеобиогеографии, палеоэкологии и решения многих других палеонтологических задач трудно переоценить. Ещё более велика их практическая значимость для геологическому потенциалу [22]. В ССМПЭ отряды по беспозвоночным ископаемым занимались главным образом морскими фаунами в широком хронологическом диапазоне — от докембрия до верхнего палеозоя. Три отряда специалистов по беспозвоночным первого полевого сезона были немногочисленными. Их возглавляли Р.Е. Алексеева (девонские брахиоподы), Н.А. Дроздова (позднепротерозойские и кембрийские водоросли, архециаты и трилобиты) и И.Н. Мананков (позднепалеозойские брахиоподы).

Организация первого полевого сезона ССМПЭ потребовала немалых усилий со стороны ПИНа,

который подошёл к этому делу как к своей главной задаче на тот момент. Трудностей было немало — и по кадровому составу (не всем успели вовремя оформить паспорта), и по устройству экспедиционной базы, и по срокам выезда сотрудников в Монголию. Тем не менее запланированная программа была выполнена полностью. В подробном отчёте о деятельности экспедиции в 1969 г. её начальник А.Г. Вологдин выразил благодарность директору ПИНа Н.Н. Крамаренко за “исключительную повседневную помощь” в решении экспедиционных проблем и начальнику Центракадемснаба, “который нашёл возможность удовлетворить все заявки на различные виды экспедиционного имущества”, от автомашин до снаряжения. Также А.Г. Вологдин отметил активное участие в работе монгольских коллег и содействие Академии наук МНР [23]. Монгольские специалисты участвовали и в камеральных работах, для чего они ежегодно приезжали в Москву, в ПИН обрабатывать собранные материалы.

Дальнейшая деятельность экспедиции закрепила успех первого года и принесла новые открытия. Осенью 1972 г. итоги четырёхлетней работы ССМПЭ были доложены правительству МНР и получили высокую оценку. Руководство страны приняло решение о её продлении на следующее пятилетие. При этом было отмечено, что совместные экспедиции являются эффективной в



Раскопки скелетов и укладка их в гипсовые монолиты. Монголия, 1970-е годы. Фото из архива СРМПЭ

научном отношении формой межакадемического взаимодействия [24].

В первые 10 экспедиционных лет в Монголию ежегодно выезжали на два–четыре летних месяца от 6 до 10 полевых отрядов общей численностью в среднем 30–50 человек; автомобильный парк состоял из 10–15 грузовых машин. Раскопочные и разведочные работы проводились на территории всей Монголии. В докладной записке в президиум Академии наук директор ПИНа Н.Н. Крамаренко в 1975 г. отмечал, что по объёму работ и технической оснащённости ССМПЭ являлась “одной из крупнейших экспедиций <...> в практике мировой палеонтологической науки” и “крупнейшей зарубежной советской палеонтологической экспедицией” [24, л. 1].

Руководителем экспедиции с монгольской стороны все эти годы являлся академик Р. Барсболд. Руководство советской, затем российской части экспедиции менялось: в 1969–1970 гг. её начальником был А.Г. Вологдин, в 1971–1975 гг. – Н.Н. Крамаренко (директор ПИНа в 1966–1975 гг.), в 1975–1976 гг. – Ю.И. Воронин, в 1976–1981 гг. – Ю.А. Попов, в 1982–1989 гг. – В.А. Сысоев, в 1989–1993 гг. – В.Ю. Решетов, в 1994–2009 гг. – И.Н. Мананков, с 2010 по 2020 г. – академик С.В. Рожнов (директор ПИНа в 2012–2016 гг.). Научным руководителем экспедиции с российской стороны с 1997 г. является академик

А.Ю. Розанов (директор ПИНа в 1992–2012 гг.). Все 50 лет проработал в экспедиции заместитель начальника сотрудник ПИНа А.Г. Тюваев, которому принадлежит особая роль в решении многих организационных и хозяйственно-бытовых вопросов, способствовавших успешному проведению полевых работ.

Важный этап в деятельности ССМПЭ – издание “Трудов экспедиции”, первый выпуск которых увидел свет в 1974 г. Результаты работы первого десятилетия составили 11 томов. Материалы экспедиционных исследований публиковались также в целом ряде других изданий. Традиционной отчётной формой стали ежегодные научные сессии экспедиции, на которых советские и монгольские специалисты докладывали результаты своих исследований.

Итоги 10 лет деятельности ССМПЭ были подведены на юбилейных научных конференциях, состоявшихся в 1979 г. в Улан-Баторе и Москве. В Улан-Баторе к работе конференции приурочили открытие Палеонтологической выставки, на которой были представлены около 20 полных скелетов меловых динозавров и кайнозойских млекопитающих. В дальнейшем все эти смонтированные скелеты поступили в палеонтологический отдел Государственного музея Монголии и частично в музей Палеонтологического центра

Геологического института Академии наук МНР (сейчас – Институт палеонтологии и геологии).

Надо сказать, что российские учёные всегда уделяли большое внимание пополнению музейных коллекций Монголии. Ещё в 1920–1930-х годах экспедиции Монгольской комиссии АН СССР, выполняя договорные обязательства с Комитетом наук МНР, оставляли часть собранных коллекций его музею. Значительно обогатила фонды палеонтологического отдела Государственного музея Монголии экспедиция И.А. Ефремова, который к тому же помог систематизировать и описать уже имевшиеся и новые коллекции.

Несомненно, в деятельности ССМПЭ, как во всяком большом начинании, встречались сложности и проблемы. К ним относились в первую очередь вопросы финансового и материального обеспечения. Но были и специфические трудности, которые касались координации работ с научно-исследовательскими планами ПИНа в целом. Так, в декабре 1978 г. директор института Л.П. Татаринов в докладной записке президиуму АН СССР отметил, что огромный объём работ и число вовлечённых в полевые исследования ССМПЭ сотрудников ПИНа привели к отставанию камеральной обработки поступающего материала и ограничению других территориальных направлений экспедиционной деятельности института, прежде всего на территории СССР. Л.П. Татаринов предложил несколько сократить численность работавших в Монголии специалистов (в период с 1969 по 1978 г. в некоторые годы она доходила до 80 человек, в то время как численность ПИНа составляла 200–210 человек), уменьшить количество рекогносцировочных работ и сконцентрироваться на наиболее перспективных направлениях [25]. Его предложения были приняты и в последующем число отрядов составляло 5–6 в год. Но по-прежнему Монгольская экспедиция оставалась главным экспедиционным предприятием Палеонтологического института.

В 1980-е годы ССМПЭ продолжила комплексное исследование территории Монголии с более детальной разработкой отдельных местонахождений. Одними из самых интересных открытий второго десятилетия были находки верхнемелового местонахождения Удан-Сайр с необыкновенными хищными динозаврами (тероподами) и верхнеюрского местонахождения Шара-Тэг с многочисленными рептилиями, лабиринтодонтами, рыбами, насекомыми и флорой. К этому времени была подготовлена большая группа монгольских специалистов, которые приобрели богатый опыт организации и проведения полевых исследований. Высокий профессиональный уровень позволил им в 1980-е годы организовать самостоятельные отряды: группа Р. Барсболда занималась изу-



Тарбозавр – палеонтологический символ Монголии. Экспозиция Музея естественной истории в Улан-Баторе

чением мезозойских местонахождений, группа Д. Дашзевега – палеогеновых млекопитающих.

По традиции в честь 20-летнего юбилея ССМПЭ в 1989 г. были организованы международные научные конференции и выставки в Москве и Улан-Баторе. В Москве выставка “Достижения Советско-монгольской палеонтологической экспедиции” проходила на ВДНХ в павильоне “Биология”. К её открытию подготовили красочные буклеты с краткой характеристикой достижений экспедиции по основным направлениям исследований: “Флора мезозоя и кайнозоя Монголии и древние климаты”, “Динозавры Монголии”, “Отложения венда и нижнего докембрия Западной Монголии”, “Древнейшие фосфориты Монголии”, “Морские бассейны и фауна карбона Монголии”, “Отложения девона Монголии”, “Ископаемые озёра Монголии”, “Летающие ящеры Монголии”.

В Улан-Баторе выставка проходила в Доме советской науки и культуры под названием “20-летие советско-монгольского сотрудничества в области палеонтологии”. На ней были представлены смонтированные советскими специалистами скелеты динозавров и млекопитающих. В рамках выставки советские и монгольские учёные выступили с научно-популярными лекциями по проблемам палеонтологии. Как и в 1979 г., все её экспонатыполнили фонды Государственного музея в Улан-Баторе. Позднее на базе его естественно-научных коллекций был создан Музей естественной истории, где почётное место заняли палеонтологические находки. Главным экспонатом музея стал скелет тарбозавра (*Tarbosaurus*) из местонахождения Бугийн-Цав в Заалтайской Гоби. Благодаря своему выразительному облику и размеру он стал палеонтологическим символом

Монголии. Находки монгольских экспедиций заняли центральное место и в новом Палеонтологическом музее в Москве, который был открыт в 1987 г. в живописном парке на юго-западе столицы (ул. Профсоюзная, 123).

Интенсивность полевой и не менее трудоёмкой камеральной работы сотрудников экспедиции была очень высокой. В то же время они смогли подготовить целый ряд фундаментальных теоретических трудов. В 1980-е годы были изданы монографии В.Ю. Решетова, В.И. Жегалло, Е.Н. Курочкина, М.Б. Ефимова, Т.А. Тумановой, Е.К. Сычевской, И.А. Вислобоковой, Е.Л. Дмитриевой, Н.М. Яновской, в которых описывались различные группы мезозойских и кайнозойских позвоночных. “Хищные динозавры мела Монголии” Р. Барсболда (1983) стала первой монгольской монографией по палеонтологии. Кроме трёх сборников статей по позвоночным (1981, 1983, 1988), к 1989 г. было опубликовано 38 томов “Трудов ССМПЭ”, из которых 19 были посвящены позвоночным или в основном позвоночным. Такими публикационными результатами не могла похвастаться ни одна палеонтологическая экспедиция в мире.

Первые 20 лет оказались самыми масштабными по объёму работ экспедиции и результатам. Этому способствовало не только хорошее финансирование исследований и постоянное внимание к ним руководства ПИНа, но и явный научный интерес сотрудников института, которые понимали высокую значимость для мировой палеонтологии монгольского ископаемого материала. Однако начиная с 1990 г. размах исследований резко сузился: произошедшие изменения в политическом устройстве России и Монголии и следовавшие затем экономические кризисы негативно сказались на научном сотрудничестве учёных двух стран. Это повлияло и на деятельность совместной экспедиции. В 1996 и 1998 гг. российские учёные не смогли выехать в Монголию из-за отсутствия финансирования. Сотрудники экспедиции занимались только камеральной работой. К счастью, неблагоприятный период продолжался недолго. Несмотря на трудности, деятельность экспедиции, хотя и не в таком масштабе, как в первые 20 лет, продолжилась.

С конца 1990-х годов в Монголии работают два–три небольших отряда общей численностью 8–12 человек в течение 2–6 недель за сезон. Их основная цель – решение конкретных задач по поиску новых и изучению старых местонахождений на всей территории Монголии, что необходимо для углубления и уточнения сформулированных ранее выводов. Сегодня работы ведутся по двум темам: “Биогеография, фауна и флора позднего докембрия и палеозоя Монголии” (руководитель академик А.Ю. Розанов) и “Позво-

ночные мезозоя и кайнозоя Монголии” (руководитель академик А.В. Лопатин, директор ПИН РАН с 2016 г.)

Одновременно в ПИНе продолжается разработка богатейших коллекций, добытых экспедицией. К настоящему времени опубликованы 48 томов “Трудов СРПМЭ”, подготовлена капитальная пятитомная сводка “Палеонтология Монголии” (2003–2009). В ней на родовом уровне в систематическом порядке описаны все ископаемые кораллы, строматопороидеи, мшанки, остракоды и растения, обнаруженные в Монголии. Традиционными остаются формы репрезентации достижений экспедиции – ежегодные семинары и международные конференции, причём круг их участников значительно расширился. Результаты своих исследований представляют учёные из третьих стран, которые после 1992 г. активно осваивают палеонтологические богатства Монголии. Монгольские палеонтологи сотрудничают с американскими, японскими, корейскими и европейскими специалистами. Однако эти исследования уже не имеют того размаха и системности, которые были характерны для ССМПЭ/СРПМЭ.

ДОСТИЖЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИИ

Полученные за 50 лет работы СРПМЭ результаты являются весомым вкладом в мировую палеонтологическую науку. Их публикация составила обширный корпус специальной литературы, разнообразный по дисциплинарным направлениям и жанрам: научные статьи, монографии, 48 томов “Трудов ССМПЭ/СРПМЭ” (1974–2019), сборники материалов конференций и др. Мы перечислим только самые знаковые достижения, которые создали экспедиции научный авторитет и сделали её имя хорошо узнаваемым в мировой палеонтологической науке.

По подсчётам А.В. Лопатина, участниками СРПМЭ за 50 лет исследований в Монголии описано более 1500 новых видов и множество новых родов ископаемых животных и растений [5, с. 9–12]. Экспедиция доставила массовый материал, который позволяет строить уже не случайное, не единичное исследование открытых видов, но проводить системную работу с охватом целой группы, хотя её состав и ранг в каждом случае может меняться. Благодаря такому подходу удалось выявить пути эволюции ряда важных таксонов, особенно среди позвоночных животных мелового периода и млекопитающих палеогена.

До работ Монгольской палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова и деятельности ССМПЭ/СРПМЭ хищные динозавры, гадрозавры, анкилозавры, птерозавры, птицы, большинство рыб, насекомые и раннемеловые млекопита-

ющие, некогда обитавшие на территории Монголии, были вообще неизвестны для этого местообитания. Материалы по динозаврам позволили представить эволюцию этой группы в совершенно новом виде [26]. Центральная Азия была, очевидно, одной из крупнейших областей формирования и эволюции многих ветвей динозавров в меловой период. Три инфраотряда динозавров оказались эндемиками Монголии. Всего на материалах СРМПЭ было описано 25 новых видов динозавров и несколько высших их таксонов, а также 19 типов скорлупы яиц динозавров. Эти результаты создали Монголии славу территории с наиболее богатой и разнообразной фауной динозавров в мире.

Изучение брахиопод и мшанок специалистами ПИНа позволило создать стратиграфические и палеогеографические схемы для отложений палеозойских морских бассейнов. В ходе анализа находок мелового периода удалось реконструировать уникальные особенности широко распространённых тогда на территории Монголии озёрных экосистем и выявить закономерности их эволюции.

Особое значение приобрело изучение вендокембрийских отложений Монголии, которое началось ещё под руководством члена-корреспондента АН СССР А.Г. Володина в первый полевой сезон и продолжается до сих пор под руководством академика А.Ю. Розанова. Электронно-микроскопическое исследование хубсугульских фосфоритов, приуроченных к этому периоду, впервые выявило бактериальную природу их образования и тем самым дало толчок новому направлению – бактериальной палеонтологии. Это направление, обоснованное академиком А.Ю. Розановым в сотрудничестве с академиком Г.А. Заварзиним, активно развивается в ПИНе до настоящего времени и стало одним из приоритетных в мировой палеонтологии [27].

Многие находки, обнаруженные в ходе полевых исследований СРМПЭ, выставлены в музеях России и Монголии, демонстрируются на выставках по всему миру и являются ярким подтверждением полувековой успешности этого научно-популярного проекта.

Большие успехи экспедиции были бы невозможны без высокого профессионализма её российских участников, щедро делившихся опытом и знаниями с монгольскими коллегами. Такое дружеское взаимодействие позволило сформироваться национальной научной школе монгольских палеонтологов, в настоящее время широко известной во всём мире. С другой стороны, опыт кочевой жизни монгольских коллег помог всем участникам преодолеть многие трудности полевой работы в очень непростых географических и климатических условиях.

Почти сто лет продолжается активное палеонтологическое изучение Монголии исследователями разных стран, и основную роль в этой истории играли российские палеонтологи, работавшие в экспедиции под руководством И.А. Ефремова и в Совместной советско/российско-монгольской палеонтологической экспедиции. Во многом благодаря их деятельности палеонтология стала визитной карточкой Монголии, а о её ископаемом богатстве, особенно о динозаврах и млекопитающих, знает весь мир.

За прошедшие десятилетия значительно расширилась тематика работ СРМПЭ, изменились методы исследований, материально-технические возможности и средства экспедиции, но неизменным остаётся одно – интерес к территории Монголии как объекту палеонтологических исследований и тесные контакты российских и монгольских учёных.

Закончить этот обзор хотелось бы словами одного из руководителей экспедиции Н.Н. Крамаренко: “Исследования, проводившиеся в Монголии, ни в коем случае нельзя считать законченными” [28].

ЛИТЕРАТУРА

1. Крамаренко Н.Н. О работах ССМПЭ в 1969–1972 гг. // Фауна и биостратиграфия мезозоя и кайнозоя Монголии. Труды ССМПЭ. Вып. 1. М.: Наука, 1974. С. 9–18.
2. Татаринов Л.П. Палеонтологические исследования на территории Монголии // Вестник АН СССР. 1987. № 3. С. 12–22.
3. Мананков И.Н., Курочкин Е.Н. Совместной российско-монгольской экспедиции 40 лет // Палеонтология Центральной Азии. Материалы Международной конференции к 40-летию Совместной российско-монгольской экспедиции. М.: ПИН РАН, 2009.
4. Рожнов С.В., Розанов А.Ю., Барсболд Р. Палеонтологические исследования в Монголии // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.Ю. Чистяков, ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. Т.Ю. Гнатюк. СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 45–67.
5. Лонатин А.В. 50 лет Совместной российско-монгольской палеонтологической экспедиции // Палеонтологический журнал. 2019. № 3. С. 3–14.
6. Osborn H. Foreword // Andrews R. On The Trail of Ancient Man. Narrative of the Field Work of the Central Asiatic Expeditions. New York; London: G.P. Putnam's Sons, 1926. P. VII–X.
7. Andrews R.Ch. The New Conquest of Central Asia. A narrative of the explorations of the Central Asiatic expeditions in Mongolia and China, 1921–1930. New York: The American Museum of Natural History in New York, 1932.

8. *Борисяк А.А.* Новая эра в палеонтологии позвоночных // *Природа*. 1925. № 4–6. С. 33–46.
9. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 4. Л. 1.
10. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 7668. Оп. 2. Д. 90. Л. 10.
11. *Юсупова Т.И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018.
12. *Юсупова Т.И.* “Очень важно для понимания всей эволюции животного мира”: Организация Монгольской палеонтологической экспедиции под руководством И.А. Ефремова // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2016. Т. 37. № 1. С. 9–26.
13. *Ефремов И.А.* Дорога ветров (Гобийские заметки). 2-е издание. М.: Госуд. изд-во геогр. лит-ры, 1962.
14. *Ефремов И.А.* Палеонтологические исследования в Монгольской Народной Республике (предварительные результаты экспедиций 1946, 1948, 1949 гг.) // *Сборник работ по палеонтологии Монгольской Народной Республики*. Труды Монгольской комиссии АН СССР. Вып. 59. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 3–32.
15. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП – ВКП(б) – КПСС. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков: РОСПЭН, 2000.
16. Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 66–67.
17. Архив РАН. Ф. 682. Оп. 1. Д. 837. Л. 1–2.
18. Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 2693. Л. 18, 182.
19. Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 337. Л. 1, 8, 13–14.
20. Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 2693. Л. 154, 156.
21. Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 6. Д. 3. Л. 1.
22. *Рожнов С.В., Розанов А.Ю., Барсболд Р., Ариунчимэг Я.* Исследования ископаемых беспозвоночных в Монголии // *Историко-биологические исследования*. 2014. Т. 6. № 4. С. 29–42.
23. Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 6. Д. 3. Л. 14–32.
24. Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 6. Д. 16. Л. 6, 7.
25. Архив РАН. Ф. 1712. Ф. 6. Д. 25. Л. 1–3.
26. *Барсболд Р.* Хищные динозавры мела Монголии. Труды ССМПЭ. Вып. 19. М.: Наука, 1983.
27. *Розанов А.Ю., Заварзин Г.А.* Бактериальная палеонтология // *Вестник РАН*. 1997. № 3. С. 241–245.
28. Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 2693. Л. 154.